

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Самарский государственный университет

Распространение компьютерных технологий в современном мире привело к трансформации социокультурной реальности и заставило заговорить о возникновении нового типа общества – информационного. Особая роль в этом процессе отводится распространению Интернета и возникающей на его основе виртуальной реальности. Исследователи утверждают, что данный феномен имеет далеко идущие последствия, выражающиеся в проникновении виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь, что позволяет говорить о "виртуализации" общества в целом.

Уже первые исследования Интернета поставили с новой силой проблему идентичности. С одной стороны, рассуждения об идентичности актуализировались в рамках оптимистичного дискурса о демократизирующем эффекте Интернета. Сторонники этой теории утверждали, что возможная анонимность общения в Интернет-среде имеет важный положительный эффект – она не позволяет идентифицировать собеседника (если он этого не захочет) ни с половой, ни с возрастной, ни с этнической группой и т.п. А это, в свою очередь, помогает избежать стереотипного восприятия собеседника. Таким образом, Интернет позволяет действовать в гендерно-, расово- и т.д. безразличной среде и избегать дискриминации.

Другой лагерь был представлен паническими рассуждениями о разрушающем эффекте анонимности. Его сторонники утверждали, что отсутствие социальных признаков, возможность использования временных масок в виртуальном общении приводит к ослаблению социального контроля, вызывает чувство безнаказанности и провоцирует рост асоциального поведения. Анонимность подрывает доверие к собеседникам, формирует психологическую отчужденность и атомизацию субъекта. Наиболее радикальная точка зрения в качестве итога влияния Интернет-общения на человека рисовала картину полной потери собственной идентичности и шизофренического распада личности.

Следует сказать, что развитие Интернет-технологий и информационного общества в конечном итоге не подтвердили полностью и не опровергли идеи обоих лагерей. Однако анализ сильных и слабых сторон этих концепций не является предметом наших сегодняшних рассуждений. Что же касается рассуждений об идентичности, то обе точки зрения исходили, по сути, из одних и тех же позиций – из противопоставления “реальной” и “виртуальной” идентичностей субъекта. Утверждалось, что Интернет дает принципиально новую возможность скрыть свою “истинную” идентич-

ность, заменив ее виртуальным аналогом, степень схожести или различия которых будет зависеть от желания субъекта.

Однако насколько принципиально нова эта ситуация? Действительно ли только Интернет помещает нас в сферу чистого самоконструирования, когда “мы есть то, что мы пишем”? Для ответа на этот вопрос стоит кратко рассмотреть эволюцию представлений о социальной идентичности.

Социальной идентичностью в самом общем виде называют отнесение человеком себя к какой-либо группе, осознание (не обязательно истинное) сходства с этой группой и возникающее на его основе ощущение принадлежности к ней.

Данное понятие исходит из представлений о существовании социальных общностей, в основе которых лежат некие сходства или разделяемые признаки, вокруг которых и объединяются члены данной группы. Первое направление в изучении идентичности – эссенциализм – рассматривало эти признаки как “естественные”, коренящиеся в биологических особенностях строения организма, во врожденных особенностях психики, в специфике географического положения и т.д.

Однако в середине XX века подобная “естественность” начала ставиться под сомнение. Произошло утверждение конструктивистской парадигмы в анализе идентичности(-ей), с точки зрения которой объединяющие группу признаки не являются предзаданными, а конструируются в обществе. Нет “природных” женских, мужских, этнических, региональных и других черт, есть лишь конструкты (наборы этих черт), которые *создаются и приписываются* каким-либо группам. Такой подход, с одной стороны, позволил объяснить существующее транскультурное многообразие моделей полового, возрастного, статусного и др. поведения, а с другой, дал теоретическую основу для множества либеральных движений, начиная с 60-х годов.

Однако не следует рассматривать конструктивизм как абсолютно гомогенное направление. Часть его сторонников, утверждая культурную сконструированность идентичности, рассматривают ее в определенной степени как объективированное явление, то есть как нечто уже выработанное в обществе, существующее независимо от конкретного человека. Задача индивида в таком случае сводится к желательному точному усвоению этого конструкта в ходе социализации. Так, например, Таджфел в своей теории социальной самокатегоризации утверждает, что процесс становления социальной идентичности включает три этапа. Первый – самоопределение человека как представителя какой-то группы (гендерной, возрастной, этнической и т.д.), второй – усвоение свойственных этим группам норм и стереотипов поведения и включение характеристик группы в собственный “Я-образ”, и третий – интериоризация усвоенных норм и стереотипов поведения, формирование самоидентификации.

Но идея рассмотрения социальной идентичности как своеобразного “достигаемого” статуса была оспорена в рамках перформативной теории, сформировавшейся в рамках гендерных исследований в работах Дж. Батлер [1]. Она выступила против концепции гендера как социального пола, который мы приобретаем в ходе социализации раз и навсегда. По ее мнению, гендер не может “быть достигнут”, он постоянно воспроизводится в нашем повседневном взаимодействии. В основе перформативной теории лежит, во-первых, драматургический подход И. Гофмана [2], а также его идея гендерного дисплея. Драматургический подход фиксирует свое внимание на уровне повседневного межличностного взаимодействия, описывая средства и способы “представления себя другим” в терминах театра. Человек оказывается вовлечен в *непрерывный* процесс формирования и поддержания определенного впечатления о себе, в том числе и впечатления о гендерной принадлежности. “Созидание гендера” (doing gender) пронизывает любые виды нашего взаимодействия, создавая постоянный фон нашей жизни – гендерный дисплей, то есть многообразие представлений и проявлений мужского и женского.

Вторую основу составляют этнометодологические исследования Г. Гарфинкеля, в частности описанный им случай Агнесс [3: 126-193]. Агнес с рождения имела мужские гениталии и воспитывалась мальчиком, однако, по ее словам, всегда ощущала себя женщиной. Эта уверенность подтверждалась и сексуальными предпочтениями, и развитием фигуры по женскому типу, включая формирование груди. В 18-летнем возрасте он(а) поменяла идентичность и принял(а) решение стать женщиной. Для этого Агнес уезжает из дома, меняет внешность, обзаводится бойфрендом и, в конечном итоге, проходит через операцию по смене пола. После изменения биологического пола перед ней возникает задача “стать настоящей женщиной”, для чего Агнес должна вести постоянную работу по созданию новой гендерной идентичности и ее поддержанию. Исходя из этого случая гендер начинает мыслиться не как нечто раз и навсегда достигаемое, а как результат повседневной коммуникации, только в рамках которой он постоянно производится и воспроизводится.

В чем же состоят основные идеи перформативной субъективности, сформулированной Дж. Батлер? Как и все феминистские теоретики, она исходит из того, что гендер – не стабильная категория, а исторически и локально обусловленная. Гендер, как и другие идентичности, является перформативным феноменом, то есть конструирует и утверждает себя в акте представления. Причем Дж. Батлер подчеркивает, что уверенность людей в том, что мы своими действиями выражаем некую субъективность, ошибочны. Перформативная теория исходит из первичности действия. И нет предшествующей этому перформансу (говорению, проявлению, представлению) сущности. Нет никакого “предискурсивного” Я. Идентичность – это то, что вы делаете, как вы себя выражаете (в первую очередь в слове),

а не то, кем вы являетесь. Однако Дж. Батлер подчеркивает, что перформативность вовсе не обозначает свободный рефлексивный выбор субъекта. Человек не просыпается утром, решая, какую идентичность он сегодня будет носить (именно за представление о субъективности как символическом сексуальном маскараде она критиковала Ж. Лакана). В русле размышлений М. Фуко, она утверждает определенную заданность нашего перформанса, который лишь воспроизводит существующий властный порядок.

Для наших рассуждений важно, что теория перформативной субъективности, во-первых, утверждает иллюзорность представлений о наличии некоего ядра идентичности. На самом деле идентичность творится в акте перформанса, который ретроактивно создает эту иллюзию. Таким образом снимается проблема истинности или ложности виртуальных репрезентаций личности, поскольку вне этих репрезентаций идентичности просто не существуют. Во-вторых, оказывается, что подобный механизм является универсальным, а не ограничивается рамками виртуального пространства.

Библиографический список

1. Батлер, Д. Гендерное беспокойство / Д. Батлер // Антология гендерных исследований: сб. пер. / сост. Е.И. Гапова, А.Р. Усманова. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 297-346.
2. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 304 с.
3. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.

А.И. Волокитина

СИНТАКСИЧЕСКАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ПРИРОДА СЕГМЕНТАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Самарский государственный университет

К основным тенденциям развития немецкого языка в области синтаксиса относятся сокращение объема предложений, тенденция к линейному порядку слов, т. е. к более и однонаправленному членению предложения, тенденция к разрыхлению структуры предложения.

Тенденция к разрыхлению структуры предложения, которой противостоит тенденция к напряженной структуре с дистантным порядком слов, включает в себя и сегментированные конструкции. Сегментации может